

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НОВИНКА

18+

Ульяна Соболева

Пусть простить меня
НЕВОЗМОЖНО

Ульяна Соболева
Пусть простить меня
невозможно + бонус
Серия «Пусть», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50709531
SelfPub; 2020*

Аннотация

Боль от потери любви – это такое же болезненное ощущение, будто человека не стало совсем, но его не стало только для тебя. И самое страшное – понимать, что в этом моя вина, и он никогда не простит... и я себя не прощу за то, что его для меня больше нет.

В оформлении обложки использована фотография arkusha (Andrey Arkusha) и nikkolia (Mikalai Vachkou) с сайта Depositphotos.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

От автора

Меня многие просили вставить бонус с 2 книги в эту часть, так как купили книгу без бонуса или покупали на другом ресурсе. Я услышала вас и добавила бонус в начало книги в виде писем Руслана. Те, кто читал бонус, могут листать до первой главы.

Все песни, добавленные в книгу важны лично для меня. Каждая глава была написана под эту музыку и эти слова, и я хотела поделиться своим вдохновением с вами. Может кто-то захочет читать эти главы под эту музыку.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Да, я не писал ей письма. Я их говорил про себя. Говорил с ней каждый день и каждую ночь. Вокруг грязь, дно, болото, а я о ней думаю и жить хочется дальше, только потому что она есть.

Не открывал её письма. Ни одного. Боялся сорвусь. А я решение принял. Самое верное и самое неэгоистичное за всю свою жизнь. С мясом отодрал и не хотел резать на живую незатянувшиеся шрамы. Взаперти много переосмысливаешь. Время думать есть. Слишком много времени. И у меня как посттравматический синдром: перед глазами дети на складе, взгляд Оксаны там, возле трупa Нади, и слова её, чтоб лучше умер и не возвращался к ним никогда. У меня

эти кадры на перемотке. Только три и в одном и том же порядке. С осознанием, насколько она права, и пониманием, что мог их всех потерять.

Анализировал детали, и становилось ясно, что нам всем просто повезло. Один шанс на миллион. Все должно было кончиться катастрофически. Не знаю, кто там на небе или в дьявольской бездне решил иначе, но мы выжили. Возможно, для того, чтобы я понял, насколько они все дороги мне и на что я готов ради них. Что местоимение «Я» теперь на самом последнем месте, как ему и положено по алфавиту. Да и что значу я в сравнении с ними? Не позволю больше так. Никогда.

И яростно отсылал письмо обратно. Мысленно умолял больше не писать. На колени становился. Не пиши мне, родная, отпусти меня. Себя отпусти. Что ж ты рвешь меня письмами этими? Что ж ты меня надеждой проклятой не отпускаешь? Живи дальше, черт тебя раздери, живи, а мне дай сгнить здесь. Я ж ради вас... Не себе. Не мешай.

Иногда я её ненавидел. За вот эти регулярные попытки белыми конвертами, за то, что ломает, прогибает, не дает очерстветь, смириться. Держит так крепко, что я эти крючья чувствую до костей.

Да, я их вдыхал. Подносил к лицу и дышал ими и ненавидел. Дышал ее письмами. Глаза закрою, а там каждая картинка одна невыносимей другой, и выть хочется, порвать на клочки, до мелких обрывков, и тоже не могу.

Это как ей снова больно сделать. Ударить. Я предостаточно ее бил в последнее время. Я калечил нас обоих с маниакальной тщательностью. Отшвыривал ее от себя и рычал от боли из-за расстояния, знал, как ей больно. Чувствовал. Но так надо. Я обязан. Должен. Иначе потеряю. По-настоящему. Необратимо. Лучше потерять так, чем похоронить. Лучше знать, что она счастлива, жива, дышит, улыбается. Пусть не со мной. Да, пусть я сдохну сам от ревности, но она должна жить. И дети наши. Не прятаться всю жизнь, а именно жить. Ее бывший муж был бы им неплохим отцом. Бл***дь. Представлял, как Руся другого называет папой, и скрежетал зубами, руки в кулаки до хруста и головой о стены биться хочется. Детей ревнуешь, как и любимую женщину, с той же дикой болью и отчаянием от того, что обязан принять их новый выбор. Смотреть издали, знать, что растут где-то, любят другого мужчину, раскрывают объятия, называют отцом.

Чувство собственности равносильно помешательству. Слово душу свою подарил какому-то ублюдку, отдал в руки самое дорогое. Добровольно. Я придумывал их сам. Других мужиков. Самых разных. От водителя такси, до крутого мачо. Представлял, как Оксана улыбается кому-то, поправляя волосы за ухо. Как в кафе идет с ним (эфемерным без лица и возраста). Как домой приводит и манит взглядом. Теперь я точно знал, от чего люди сходят с ума. Никаких детских травм, никакого психологического надлома. Достаточно просто отдать свою женщину, развалить семью, чувство-

вать себя виноватым в том, что сделал их несчастными.

Отсылал письма обратно, скрипя зубами и придумывая их содержание по ночам, зажимая заточку в пальцах, готовый в любой момент к подлянке. Меня могли достать, где угодно, даже здесь. Несмотря на «крышу» от Ворона и уважение сокамерников. Смотрел в темноту под храп соседей по камере и придумывал её письма. Какими они могли быть. Что она пишет мне о себе? Может, ненавидит и проклинает. А, может, нашла другого или вернулась к мужу. Вот почему читать боялся. Думал пройдет пару месяцев – устанет писать. А она – регулярно, иногда несколько подряд. И я начал их ждать. Отсчитывать ими каждый день. От письма до письма. Иногда в руках каждую ночь держу, а потом обратно отправляю через месяц. Кто-то назовет это силой воли, а я называл трусостью.

– Кого ты там динамишь, Бешеный. Течет баба по тебе, а ты игноришь? Или гонять лысого больше прет, чем телку трахать?

Сокамерник скалится, кивая на письмо, а мне кажется, он эти буквы на конверте одним взглядом испачкать может, и уже хочется глаза выдрать, чтоб не марал.

– На хрен пошел, Дрын! Не суй нос, куда не просят – ноздри порву! Не нарывайся!

И заточку сильнее сжимаю, примеряя куда всадить так, чтоб больнее и мучительней сдох, а у него глаза бегать начи-

нают. Знает, что способен. Да, и он не лох какой-то, но цеплять не хочет.

– Да, ладно. Не заводись. Мы тут, блядь, о бабах мечтаем с шалавами знакомимся, лишь бы сунуть хоть в кого, а ты динамишь свою постоянную. Или с блядьми больше нравится?

Не нравилось больше. Трахать не хотел никого. Пахан иногда подгонял своим за особые заслуги. Типа, родственница, жена, невеста. Притом одна на пару экков. Менты глаза закрывают. Им по хрен, они свое получают за это. И мне подгоняли. О здоровье заботились. Я и так дерганый, мне спускать надо, а то на хрен замочу кого-то и засяду пожизненно. Мне все равно было. Что там на воле? Оксана чужая? Могилы родителей? Бизнес похеренный? Та же тюрьма, но без решетки. Да и натрахался я с кем попало на лет сто вперед. Бывало, иногда о Ней вспоминал или приснится голая на постели, с ногами в стороны раскинутыми, блестящая от возбуждения, и яйца от боли сводит. Её хочу. Или на хрен никого.

Яростно рукой двигал, удерживая образ, вспоминал запах плоти, вкус, стоны и крики, какая горячая изнутри, как стоит на коленях, растрепанная, с моим членом во рту. Представлял, и сам пальцами член сжимал, стиснув челюсти, пока вялый оргазм слегка не облегчит горечь от осознания, что все уже. Её только вот так. В воспоминаниях.

По детям скучал, хоть волком вой. Жутко скучал. Снились они мне. Часто. Первые полгода ни разу, а потом почти каж-

дый день. И она снилась. Только никогда приблизиться не мог. Бежал за ней, видел, почти руками дотягивался, а пальцы сожму – и просыпаюсь. Она сквозь них прошла и дети. Смотрят, а ко мне не идут. Как чужой я для них.

«Ты нас бросил». И просыпался с этими словами в мозгах.

Потом Граф приехал. Долго беседовали. Передачу привез. Лично. Про Оксану я не спрашивал. Только о делах, о том, что там, по другую сторону, творится. О Вороне спросил, а тот поморщился тогда, как будто нерв зубной ему задел без наркоза. И я его понимал больше, чем кто-либо другой. Только жаль мне было, что кто-то ошибки мои повторяет. Ворон – мужик железный, но не плохой и сыновей любит. Но в каждой семье свои скелеты в шкафу, а у Ворона там, пожалуй, целое кладбище.

– Я бы многое отдал, чтоб со своим вот так. Да, даже чтоб скандалить и по морде огрести. Иногда говорю с ним вслух и слышу, как психует в ответ, как орет... а я улыбаюсь. А потом понимаю, что теперь только так в мыслях и буду слышать. Нет его больше. Время не на то тратилось. Сказать многое не успел. Простить не успел. Теперь могу только с его образом говорить.

– Ну, мой живой и на тот свет не собирается, – Андрей отошел к зарешеченному окну, а я смотрел, как тот руки за спиной сжал. Точно, как Ворон. Даже стоит так же – спина прямая, подбородок вздернул, и глаза чуть прищурил. Эмоции на привязи держит. Ни одну на волю не выпустит. Такой

же железный.

– Мой тоже был живой. Живее не придумаешь. А потом бац и нету. И все. И уже хоть жалея, хоть не жалея. Бесплезно.

– Закроем тему. Не хочу об этом. Думаем вытащить тебя, Бешеный.

Я пальцами сильнее сжал край стола.

– Вытащить?

– Вытащить.

Потом слегка кивнул на потолок, и я понял, что особо он ничего сказать не может. Я должен между строк читать. Придумали они что-то. Не просто так Граф лично приехал.

– Ну а что невиновному срок отмаывать? – подмигнул – Ищем лазейки, ищем виноватого. Точнее, нашли уже. Теперь адвокаты работают, обвинение. Так что скоро восстановим справедливость, и виновный сядет, а ты выйдешь.

Да, я его понял. Отлично понял. Они нашли козла отпущения, который согласился отмотать за меня срок либо за долги, либо за деньги. Иначе я б не вышел отсюда.

Такое практикуется. Находится нужный человек, готовый сесть, а его семью кормят, оберегают. Либо накосячил и, чтоб выжить, садится. Лучше так, чем червей кормить.

– Так что ты тут держись, Бешеный. Недолго уже осталось. Если что нужно, скажешь – для тебя все достанут.

Я кивнул, все еще продолжая держаться за край стола. В свободу пока особо верить не хотелось. Боялся сильно. Ес-

ли не прокатит, то надежда-сука потом задавит меня петлей разочарования.

– Ну, давай. Пошел я.

Обнял, хлопнул по спине. А я удержал за плечо. Спросить хочу и не могу. Он сам понял. Наверное, взгляд у меня был, как у бродячей собаки, которая сама ушла из дома и теперь растерянно скулила в клетке питомника. Злая и дикая, ощетинившаяся, голодная с мечтой вернуться домой... только цепь на ней железная, и не знает, примут ли ее обратно когда-нибудь, даже если сорвется с цепи этой и домой прибежит.

– Ждет она тебя. Каждый день ждет. Давай, возвращайся – у тебя сын родился, Руслан. Тяжело ей троих одной. Мы помогаем, конечно, но им всем отец нужен. Сильная она у тебя... верная.

Я судорожно сглотнул и сильнее пальцами его плечо сдавил.

– Сын?

– Да – Сын. Глупостей за это время не наделай. Сиди, как в карантине, и не дергайся. Скоро гость здесь появится. В руках себя держи.

Он ушел, а я еще долго смотрел в пустоту. Что-то внутри перевернулось, глаза закрыл, хмурясь, стискивая челюсти. И я сломался. Вот в этот самый момент. Не могу больше! Да, я слабак! Я просто тряпка, но я уже без нее погибаю. Голос слышать хочу, письма пожирать, вернуться к ней. Любить

хочу. Смеяться. Человеком хочу быть. Плохо мне, бл**ь. Так плохо, что самому стыдно признаться.

Смысл снова появился. Через какие-то секунды заорал, и в камеру ворвалась охрана, а я ору и улыбаюсь, как идиот. Меня заткнуть пытаются, а мне по фиг. Меня прет от счастья. В итоге в карцер затолкали, а я и там улыбался, как псих невменяемый. И нежность щемила. До боли, до полной потери контроля.

«Ждет она тебя».

Можно сказать «любит», «скучает», «тоскует», но все это ничто в сравнении с «ждет». В этом слове намного больше. Оно настолько глубокое, емкое, что и добавить нечего. И я сам начал ждать. Надежда появилась. Слабая и хрупкая. Невесомая и прозрачная. Надежда, что все может быть хорошо у нас.

Меня ненависть отпустила, злость ушла.

А потом Лешаков появился. Гость тот самый. Есть в жизни справедливость. Суку к нам перевели. Вот и свиделись. Обрюзгший, зашуганный и жалкий. Меня увидел чуть штаны со страху не испачкал. И не зря – приговор у меня в глазах прочел.

Мне не пришлось его... Он сам. Вены порезал заточкой. И суток не пробыл здесь. Страх оказался страшнее смерти. Или совесть замучила, а, может, сломался окончательно. Таких, как он, падение крошит на осколки. Слишком много

власти, а потом слишком низко пал. Из князей в самую грязь, когда каждая шестерка харкнет в тебя или пнет носком сапога. Когда парашу чистить заставляют и в ногах у простых мужиков ползать. И ломают. Каждый день беспрерывно ломают. Из человека в животное. Оно ведь внутри живет. У каждого разное. У кого-то хищник благородный, а в ком-то шакал трусливый. Только в Лешакове насекомое спряталось, мерзкое, отвратительное, которое и раздавить противно. От хруста стошнить может. Но я бы суку давил. Я бы его душил и рвал зубами. Только не дали мне. Может, оно и правильно. Не вышел бы я тогда оттуда. Сел бы за паскуду еще на пятнадцать.

Его труп вынесли с камеры под улюлюканье зэков, а я жалел, что не сам его.

А потом понял, что его за меня. Заказ с воли пришел – убрать. От кого? Никто и не знал. А если знали, то молчали. Да, я и сам мог догадаться.

Ее письмо получил через месяц и впервые открыл. Руки дрожали, как у наркомана, и ломало зверски. Первое слово увидел и глаза закрыл. Больно читать.

Я его затер до дыр. Затрепал. Перечитывал и перечитывал. Как ненормальный.

На ладошки обведенные смотрел, свою руку прикладывал. Сравнивал. Прятал его под матрац и снова доставал. Она писала так, будто не прошло почти два года. Будто я на каждое письмо отвечал. Будто только вчера расстались. Ни

одного упрека. В каждой строчке любовь. Абсолютная. Как непреложная истина.

Простила или нет, не знаю. Прощение – это нечто очень неуловимое. Иногда легко сказать «я прощаю», да проще и не бывает. А вот простить на самом деле невероятно трудно. Осадок внутри остается. Вязкий, тягучий. Или как пятно после химического вещества. Смоешь, а оно все равно там. Потому что въелось. Даже если сверху закрасить – со временем проявится. Вот какое оно, прощение. И я хотел знать, сколько пятен оставил у нее в душе. Смоются ли они когда-нибудь окончательно или будут отравлять ее вечно, даже если примет обратно? Только в письме этого не видно. В глаза смотреть надо. Там все прячется: и боль, и прощение, и приятие. Там и есть окончательный приговор. Не уйду я теперь. Пусть сама прогоняет.

И я ей ответил. Написал

«Если все еще ждешь... жди, пожалуйста. Я скоро. Сил нет – домой хочу. К тебе, Оксана. Ты только жди».

Спустя пару месяцев я таки освободился. Кто вместо меня сел, не знаю. Потом сказали – должник Ворона. Деньги семье очень нужны были. Решил себя продать ради родных. Что ж, всякое бывает. Не скажу, чтоб угрызения совести мучали. Каждый знает себе цену. Я же хотел на свободу. Домой хотел.

К Оксане. Так сильно хотел, что мне было плевать, кто и как за меня теперь отматывать срок будет.

На улицу вышел, сжимая пакет с барахлом, и мне страшно стало. Говорят, когда человек долго сидит за решеткой, он боится свободы, не знает, что с ней теперь делать. Только ложь все это. Не нужно долго сидеть для того, чтобы воля ворвалась в легкие и мешала дышать, сбивала все мысли. Достаточно, чтоб тебя заперли даже на сутки, и уже потом мир иным кажется. Я вышел отсюда другим человеком. Только сейчас это понял. Смотрел на прохожих, на небо, на проезжающие машины и понимал, что другой я. Ценности в жизни поменялись, приоритеты сдвинулись, смысл изменился. Я стою у дороги и понимаю, что счастья хочу. Жить хочу. Терять больше нельзя. Никого.

Ей звонить боялся. Увидеть хотел сначала. В те самые глаза посмотреть и понять, есть ли оно это счастье, и только тогда наконец-то сделать первый вздох свободы. У каждого она своя. У кого-то в одиночестве, а у кого-то в чьих-то глазах. И я, как идиот, просто пришел к ее дому и ждал, когда выйдет. Увидел и чуть с ума не сошел. И страх опять появился. Да, у меня, у взрослого мужика, который и сам убивал и смерть видел, появился страх подойти к ней. Имею ли право? Кто я для них сейчас? Может быть, писать это одно, а вот так воочию принять... После всего, что натворил.

Тенью шел следом. Жадно пожирая взглядом и фигуру, и походку, отмечая, что не изменилась. Нет у этой женщины

возраста. Она всегда особенная: то утонченно изысканная, то смешная и растрепанная, словно девчонка. Смотрю, как волосы развеваются на ветру, как поправляет их за уши, перекидывает сумочку через плечо, а меня уносит. Закричать. Позвать по имени и не могу. Так и шел чуть поодаль. А в метро потерял из вида и запаниковал. Бросился следом. Дежа вю. Один в один. Как когда-то при первой встрече. В вагон заскочил и когда понял, что заметила – замер. Пленкой назад все отмоталось. Так же в метро, и она свежая, пахнущая яблоком, с пластырем в руках. Приклеила меня к себе намертво.

В глаза ее смотрю, а сердце где-то вне тела орет и с ума сходит. Вокруг люди исчезли. Нет никого. Тихо стало. Ни одного звука. Пустой вагон. Только я и она. У меня тот самый шрам болит, незатянувшийся, а внутри ощущение, что сейчас пришивать себя к ней иголкой, ржавой и мокрой. Без наркоза. На живую. Больно будет обоим...но она этого хочет. В глазах расширенных вижу, что хочет. Плачет. Без слез. Только взгляд затуманенный.

Не помню, что я ей говорил. Что-то настолько глупое, идиотское, совершенно пустое. У взглядов совсем иной диалог. Свой собственный. Только когда обнял, застонал вслух и к себе так сильно прижал, что хруст ее костей услышал, и только сейчас понял, насколько она хрупкая, худенькая. Раньше ее больше было. Лицо мое гладит. Как безумная. И взгляд ее потерял. В себя смотрит и трогает, трогает меня. В

каком-то исступлении, а я ту самую боль чувствую, как прирастаю к ней заново.

Кружится все вокруг, вертится. Когда первый раз поцеловал, думал разорвет всего на хрен. Я не помню, куда мы пошли. Ходили по городу. Не разговаривали. Просто вместе, куда глаза глядят. Пальцы с ее пальцами сплел и жду. Сам не знаю чего. Наверное, когда прорвет плотину. Когда она скажет все, что там наболело внутри. Надо нам это. Чтоб прорвало и порвало обоих на куски. Чтоб заново возродиться.

Только молчит она, и я молчу. В кафе молчим, на улице молчим. Смотрим иногда в глаза и опять идем куда-то.

Под вечер домой привела. Не просился, не торопил. Два года – это не пару дней. За два года люди меняются, жизнь меняется. Это я все это время жил ею, затормозив в нашем прошлом, а она вперед шла. Уже без меня. Ей принять надо или не принять. Если бы прогнала, я бы понял. Ушел. Пришел бы еще и еще. Завтра, послезавтра. Не торопил бы её. Но она сама домой позвала. Точнее такси вызвала и адрес назвала. Руку мою так и не выпустила.

Потом я понял, почему так долго гуляли, чтоб дети спали уже. Чтоб мать меня пока не видела, чтоб вопросов избежать лишних. Ненужных нам сейчас.

Оксана меня в спальню к детям проводила, а сама ушла к себе. Оставила меня с ними. Как в воду кинула со связанными руками. Плыви теперь, как хочешь. Разгребай все дерьмо, что наворотил.

Я тогда думал, что голос потерял. Смотрел на них, и в горле драло, как после долгого крика. К каждой кровати подошел. Трогал волосы. К запаху принюхивался и глаза закрывал. Выросли, изменились. Взрослые такие. Словно меня не два года не было, а жизнь целую. Да и в возрасте таком каждый день – целая жизнь. Пару дней пропустил, а ребенок другим становится. Руся на себя не похожа, оставил почти младенцем, а сейчас уже принцесса взрослая. Локон ее на палец наматываю, а самому реветь, как бабе, хочется. Нет не стыдно. Реветь не стыдно. Стыдно, что отказался. Стыдно, что мысль допустил жить без них. А сейчас только разбудить боюсь. Я сам еще не готов к этому.

К малышу подошел. Долго смотрел. Знакомился. Внутри черте что творилось. Разрывалось там все. На части. На ошметки. Прижать к себе хочется и разбудить нельзя, и страшно мне, что проснутся и шарахнутся, как от чужого. Не примут обратно. Это мы, взрослые, через себя переступить можем, а дети слишком честные, чтобы играть те эмоции, которых нет. Они многое не прощают и никогда этого не скрывают. Я ладошку сына погладил, а он мой палец сжал крепко и не отпускает.

Шорох позади раздался, и я резко обернулся. Ваню увидел. Он смотрит глазами огромными. Я палец к губам приложил. А он стоит и просто смотрит. И нет в его глазах злости или обиды. Радость там безумная. Настоящая.

Обнял его, по волосам потрепал, а он цепляется судорож-

но и тоже молчит.

Счастье, оно, оказывается, молчаливое, тихое. Это горе кричит и рыдает, а счастье оно тишину любит. Чем меньше слов, тем оно полнее, объемнее. За руку взял, в его комнату увел. Казалось вечность целая прошла с того момента, как последний раз видел. Там, на проклятом складе. Сейчас сердце щемило от того, что все позади, все забыто. Только у меня скачок временной из того ужаса вот в эту комнату, а для них время прошло, затянулось.

Я перед Ваней на корточки присел в глаза ему смотрю и понимаю, что нет здесь пятен никаких. Не было никогда. Меня ждали. Все они. И он ждал. Глаза блестят, хоть и сонные. Смотрит и улыбается.

– Большой какой стал. Чего не спишь?

– Мама знала, что ты приедешь. Она нам это всегда говорила. – шепчет очень тихо, серьезно.

Я сам не знал, а она знала. И я верил ему. Знала, конечно. Чувствовала. Она меня больше меня самого чувствует. И словам моим не верила и молчанию. Просто не отпустила. И держать для этого не обязательно. Не отпускать можно на том уровне, который неосязаем.

– В кровать иди. Утром поговорим. Давай. Поздно уже очень.

– А ты тут с нами останешься?

– Останусь. Я теперь от вас никуда.

– Обещаешь?

– Клянусь.

Он еще какое-то время смотрел на меня, а потом все же нырнул под одеяло, а я снова во вторую детскую вернулся. Не знаю, сколько там стоял. Разглядывал их. Ни о чем не думал. Просто смотрел. Наслаждался. Впитывал в себя. С утра будет сложнее. С утра говорить придется. И казалось мне, что с дочерью сложнее будет, чем с Ваней. Тот уже многое понимает, а она у меня эмоциональная. Вся в меня. . . . А, может, не подпустит к себе. Ничего. Мы справимся. Вся жизнь теперь впереди.

К Оксане зашел и дверь тихонько закрыл. Она у окна стоит, спиной ко мне. Напряженная. Натянутая, как струна. Вот и настал тот момент, когда все взорвется. Я это взрыв уже кожей ощущал. И после него либо земля выжженная и пеплом посыпанная, либо новая вселенная. Я сейчас был готов новую вселенную выстроить даже на пепле. Отступить не собирался. Доотступался уже.

Подошел сзади, руки на плечи ей положил, повела ими, сбрасывая, а я сильнее сжал. Вырвалась, обернулась ко мне и разрыдалась. Я в объятия ловлю, а она отбивается, бьет по груди, мечется, хрипло всхлипывает. Я целую насильно, а она то обнимает, то толкает снова. Сильно толкает, и в глазах одна боль. Пока не сломал, прижимая к себе, жадно целую,

срываясь уже в другую бездну голода дикого. За волосы к себе тяну, и она мои рвет, царапает кожу, не целует, а кусает за губы. Исступленно, яростно.

– Где ты был? Где?

И оба знаем где... Но ведь она не то имеет ввиду.

– С тобой. Здесь.

Мысленно и каждую секунду.

– Врешь! Ненавижу! Не было тебя! Ненавижу! Ненавижу тебя!

– Знаю. Ненавидишь!

А сам одежду с нее сдираю, как сумасшедший. Рву с треском. И даже не секса хочу. Ее хочу. Всю. Кожа к коже. Под кожу. Выбить вот это отчаяние, истерику, панику, злость. Все это чтоб потерялось в хаосе голода. Рвать на части физически, чтоб внутри не так больно было, чтоб извивалась подо мной и плакала от наслаждения, а не потому что невыносимо видеть меня, не потому что так истосковалась, что это больше похоже на ненависть, чем на любовь.

Вошел в нее рывком, опрокинув поперек кровати навзничь, и взвыли оба, задыхаясь. Поняла по взгляду моему, что обезумел, трясет всего от напряжения, точка невозврата пройдена от одного толчка в ее тело, и уже гладит по волосам, целует лихорадочно, шепчет хрипло.

– Давай... я потом... позже.

Догадалась, что голодный. Не с курорта к ней приехал.

И да. Она потом. Сейчас физически не смог. Слишком

долго ничего не было. Больной этим расставанием, дикий от страха, что потерял и не простит, не примет обратно, не захочет.

Содрогаюсь кончая, кусая ее шею, сжимая судорожно за бедра, слышу, как плачет и ненавижу себя самого за то, что смог отпустить. Точнее не смог, а попытался.

Да, она потом... да, так что исцарапала, взмокли оба. Сам не знаю где брал. Везде, кажется. На полу, в ванной, на кровати, на подоконнике. Насытиться не мог. Трясло всего. Без нежности и ласки. Вдирался в нее и хрипел под ее слезы. Рот ладонью накрывал, чтоб дом не перебудила и осатанело трахал, любил, имел, ласкал и снова трахал. За все эти долбаные два года. Чтоб знала, как хочу её, как скучал по ней, по нам, как с ума сходил.

Уснули только под утро. Она на мне. Вот так правильно. Вот как и должно быть. Дышит все еще тяжело, волосы влажные, и я мокрый. Сил нет ни в душ, никуда.

Нас не трогали. Казалось, весь дом притих. Даже не знаю, когда детей развезли в школу и садик. Первым проснулся и теперь мог спокойно смотреть на нее. Именно спокойно. Не так, как вчера и ночью – словно чокнутый псих. Не изменилась совсем. Только похудела. Волосы ее все так же яблочным шампунем пахнут, и кожа на ощупь бархатная.

– Ксана моя... – тихо, беззвучно, а у нее в ответ ресницы дрогнули.

– Твоя, – так же тихо и сильнее прижалась щекой к груди.

С детьми все намного тяжелее оказалось. Руся за мать пряталась, а малыш заплакал у меня на руках. Оксана потом успокаивала, что им время надо. Я и сам понимал, что все не так просто дается. За самые, казалось бы, банальные вещи, всегда нужно бороться. И я боролся, как умел. За первую улыбку дочери, за ее доверие, за то, чтоб папой назвала и на руки пошла, за то чтоб не смотрела, как на чужого, а щеки гладила и говорила, какой я колючий. Как раньше. Никита привык намного быстрее. Уже улыбался мне беззубым ртом. Радовался, когда видел.

– Она меня боится?

После очередной истерики дочери и взгляда, как у загнанного зверька.

– Нет. Она просто еще не привыкла, Руслан. Не переживай. Может, по утрам будешь ее в садик возить? Пообщаетесь по дороге.

И каждое утро одно и то же. Оксана, закусив губу, наблюдает за нами, а я улыбаюсь ей, пытаюсь завязать Русе хвост. В очередной ****цатый раз. Она не вмешивается, не помогает, а я матерюсь про себя и пальцы в тонких волосиках путаются. Дочь вырывается и к матери бежит, а меня от отчаяния раздирает на части.

Потом перестал думать об этом. Пусть не папа, пусть Руслан. Лишь бы не пугалась и не жалась к матери, когда руки к ней протягиваю. У нас время есть. Много времени. Мы никуда не торопимся.

Все чего так сильно желаешь, случается неожиданно. И совсем не так, как ждешь или хочешь. Я с ней времени старался больше проводить. В парк возил, гулял. А она даже за руку не возьмет, демонстративно в карманы прячет.

– Она отвыкла немного, – успокаивала Оксана, пока я смотрел, как дочь на карусели катается и матери рукой машет. – дай ей время. Руся – не самый общительный ребенок. Сложная она.

Да, у нее после того случая часто приступы паники бывали и кошмары по ночам мучили. Она кричит там, а я уши руками зажимаю и ненавижу себя лютой ненавистью. Оксана успокаивает, убаюкивает. Я голоса их слышу, а сам курю в форточку и чувствую себя последним дерьмом.

– Я знаю. Она особенная у нас.

Оксана целует меня в висок. Тоже переживает и меня, видимо, жалеет.

– Вся в тебя. Ты мороженого купи нам, а я тут постою, Никиту покачаю, ему спать уже пора. Она любит пломбир в шоколаде с орехами.

Да, нужно время. Не все так легко. Правда, полгода прошло, как я вернулся и каждый день почти с ней, а ничего не меняется. Не подпускает к себе. И я уже не знаю, как и когда все изменится. По ночам у ее кровати стою. Вспоминаю. Как выносил со склада и понимаю, что сам виноват. Не заслужил я папой называться.

Обратно с мороженым иду и вдруг слышу, как плачет, на-

взрыд. Я мороженое уронил и к ним. Оксана ее по голове гладит, что-то говорит тихо, а она меня увидела, вырвалась и несется навстречу, рыдает и кричит:

– Папа!

На корточках присел, к себе рывком прижал. Глажу ее, и в горле дерет. А она повторяет и повторяет это слово, а меня трясет, как в лихорадке.

– Я думала, ты ушел. Я так испугалась.

Глажу ее по щекам, вытирая слезы, и все еще трясет. Хочется, чтоб повторила. Сказала еще раз. А она взгляд на мои руки опустила, а потом снова в глаза посмотрела.

– Я мороженное твое уронил.

– Ты не уйдешь больше? – и рывком за шею обняла.

– Не уйду.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

– Тогда пошли вместе мороженное покупать. Я не люблю пломбир в шоколаде. Я крем-брюле люблю.

И да, мы с Оксаной поженились. Тихо расписались. Без гостей и свидетелей. Она особо не хотела, а я решил, что не дело ей фамилию бывшего мужа носить и глаза мне ею мозолить. Царева она. Самая настоящая. Моя женщина. И пусть об этом стоит штамп в паспорте. Люблю метить, то, что принадлежит мне. Мог бы и ее б штампами пометил, а так метил поцелуями, укусами и синяками, чтоб каждое утро

помнила, чья. Не заглядывая в паспорт.

Глава 1

Кто поверит, я и сам не верю –

Толь на счастье, то ли на беду,

У меня семь пятниц на неделе

И тринадцать месяцев в году.

Моё небо – синее, в алмазах.

Что-то мне по-жизни принесет.

Я крещен, а может быт помазан,

В общем, я – счастливый, вот и все!

Я – счастливый, как никто! Я счастливый лет уж 100.

Я – счастливый! Я – не вру! Так счастливым и уйду!

Я – счастливый, как никто! Я счастливый лет на 100.

Я – счастливый! Я – не лгу! Так счастливым и уйду!

Кто-то знает, я и сам не знаю,

Где финал тот, где та полоса.

За которой лишь ворота Рая,

А за ними просто Небеса.

А пока все небо только в звездах.

Не во сне причем, а на яву.

Что скажусь за жизнь свою я просто –

Я счастливый тем, что я живу.

Я – счастливый, как никто! Я счастливый лет уж 100.

Я – счастливый! Я – не вру! Так счастливым и уйду!

Я – счастливый, как никто! Я счастливый лет на 100.

Я – счастливый! Я – не лгу! Так счастливым и уйду!
Григорий Лепс.

– Почему такая конспирация, Граф?

Остановился возле столика напротив Андрея Воронова. Я б его не узнал, если бы не назначенная через посредника встреча в дешевом кафе и произнесенный пароль, обговоренный в свое время еще с покойным Вороновым старшим. После нашей последней встречи прошло немало времени, и я думал, что этот пароль произнесен не будет никогда. Моя поездка в Болгарию подходила к концу, и я вот-вот должен был вернуться к Оксане. Предвкушал это возвращение и поглядывал на часы, пока мне не позвонили с закрытого номера на отечественную симку и не назвали три слова, которыми обменивались в свое время наши с Вороновым отцы. Адрес для встречи я получил в смс и понимал, что, если Граф прилетел ко мне в Болгарию, значит это что-то срочное и важное.

Без привычного элегантного костюма, в футболке, темных очках и бейсболке, Воронов, скорее, походил на обычного рабочего, если бы не часы «Ролекс», дорогие кожаные туфли и очки от известного бренда. Если учитывать, до каких высот он поднялся, то этой встречей можно было бы гордиться. Но для меня он был сыном друга моего отца и челове-

ком, который в своё время помог спасти моих детей. Я был ему должен. Если бы не это обстоятельство, то предпочел бы не встречаться... Я обещал Оксане держаться от всего этого подальше. И держался.

– Здрав, Бешеный! – сжал мне руку, приобнял, хлопнув по спине. – А ты все в том же амплуа, я смотрю, – усмехнулся, осматривая мой прикид. Я снял «косуху», повесил на спинку плетеного стула, уселся и положил на столик пачку сигарет, сунул одну себе в рот, вторую протянул Графу. Тот не отказался. Мы прикурили от моей зажигалки.

– Дело одно есть к тебе. И надо, чтоб о деле этом никто не пронюхал. Поэтому конспирация.

– Твои часики стоят, как десять таких заведений вместе взятых. Конспирация так себе. И шкафы твои выглядывают из-за каждого угла. Вот-вот выпадут.

Я бросил взгляд на парня на заправке, смотрящего в нашу сторону, попивающего кока-колу, и на сидящего за соседним столом лысого типа с газеткой в руках.

– Если б меня пасли, то была б другая. А так для вида. Пока.

– Ясно. Так в чем проблема, Граф? Чем могу, так сказать?

– Ничего особенного. Долю свою хочу тебе подарить.

Я вздернул одну бровь и затянулся сигаретой, ожидая продолжения. Граф особой благотворительностью не славился.

– Ты у своей сестры Дарины теперь работаешь? Или соскучился?

Андрей усмехнулся, чуть приопустил очки.

– По нам соскучились одни нехорошие дяди, и мне надо, чтоб моя доля не принадлежала мне какое-то время, а принадлежала кому-то, кому я доверяю, кого фактически не существует, и кто заинтересован, чтоб фирма не ушла к плохим дядям.

– Это я понял. Думаешь, кто-то может слить фирму?

– Не исключено, что может. На нее всегда велась охота. Кто-то усиленно скупает акции через подставные лица. Это вполне может быть просто мелкая игра, а может быть крупная, начатая издавека.

– Нейдется тварям?

– Нейдется. А ты, я смотрю, окончательно не при делах?

– У меня теперь все дела законные.

Ответил я, и мы оба усмехнулись. Я уверен, что Воронов прекрасно знал обо мне все. Даже как называется марка, выпускающая туалетную бумагу у меня дома, не то, что дела, которыми я занимаюсь.

– Молодец. Сдержал слово. Уважаю. И как оно – честным трудом деньги заколачивать?

– Нормально оно, Андрей. Дергаться перестаешь от каждого шороха, за женщину свою трястись и за детей.

– Понимаю. Если бы я мог на хер имя сменить и свалить, я бы так и сделал, – и вдруг склонился ко мне, – не скучаешь по адреналинчику? Нет этого ощущения, что жизнь где-то за окном пробегает?

– Бывает. Потом на детей смотрю и понимаю, что жизнь совсем не за окном, а в моих руках, и они уже не по локоть в крови.

– Думаешь, отмылись? – то ли с сарказмом, то ли серьезно. И по хрен. Мне, бл*дь плевать – кто и что думает про мои руки. Но марасть их заново я не собирался.

– Думаю, что пятна стало не видно невооруженным взглядом, и пока что этого достаточно. Документы с собой привез?

Андрей положил передо мной рюкзак, достал из него пластиковую папку.

– Вот все бумаги в оригинале и в копиях. Здесь так же фиктивный договор о купле-продаже. Там только подпись твою поставить надо и имя вставить. Спрячь так, чтоб сам найти не мог. Сам понимаешь... Если я маякну – подпишешь и простишь.

Я понимал и чувствовал, как покалывает затылок от ощущения, что он многого не договаривает. Что на самом деле все не так просто, как говорит Воронов, и дело дрянь, если он приехал сюда и отдает мне фактически сердце фирмы, за которую погибли десятки людей.

– За ними могут прийти, да, Граф?

– Могут. И ты можешь отказаться – я пойму. У тебя семья, дети. Но если что – они не должны получить мою долю.

Кто-то дышит Графу в затылок и дышит основательно, если тот тревожится. Не боится, нет. Слово «страх» это не про

эту больную семейку психов. За это я их и уважал. Мы с ними были одной крови, и я ее запах чуял на ментальном уровне. Волки из одной стаи всегда узнают друг друга издали.

– Не получают. Не для того отец жизнью своей за нее заплатил, – сказал я, зажимая сигарету зубами, забирая папку, сунул ее в рюкзак и подвинул его к себе. Андрей удовлетворенно кивнул и откинулся с облегчением на спинку кресла. Значит, все серьезно, и я действительно единственный, кому он мог передать эти бумаги. Граф переживал, что я могу отказаться. И я бы отказался... если бы это дело не было так важно для моего отца. А Оксане не обязательно об этом знать. Хранить у себя папку не значит снова лезть в это дерьмо. Хрен вам! Значит! И я это прекрасно осознавал. Но адреналин уже заиграл в крови. Азарт. Ощущение глотка воздуха.

– А что брат твой – Макс?

– У нас не самые лучшие времена в отношениях.

– Бывает.

– Как Оксана и мелкие?

– Прекрасно. Большие уже. Время быстро летит.

Я посмотрел на часы и снова на Графа.

– Быстро, да. Торопишься? Самолет через... – он глянул на экран смартфона, – два часа и тридцать три минуты.

– Верно.

– Давай. Не держу. Я выйду на связь, когда все позади будет.

– Или когда не будет, – усмехнулся я и пожал протянутую мне руку.

– Или когда не будет.

Рюкзак взял с собой в салон самолета. Откинулся на спинку кресла, прикрывая глаза и подрагивая от нетерпения. Скоро увижу Оксану. Неделя. Гребаная неделя, а кажется год прошел. Вспомнил о папке, и появилось липкое ощущение, что я сделал что-то не то. Что надо было отказать. Как ожидание какой-то беды. На доли секунды возникло в голове и исчезло. Привкусом осело на языке, и мне надо было срочно окунуть этот зудящий язык в ее рот. Голодный, как черт. Аж трясет всего.

Вышел за багажом, невыносимо хотелось закурить. Обернулся на вращающиеся чемоданы, поправил рюкзак на плече и замер... Увидел ноги. Длинные, затянутые в черные чулки, обутые в высокие сапоги. Скользнул вверх наглым взглядом, ощущая похотливую дрожь. Она наклонилась, поправить ремешок на голенище сапога, и я увидел краешек ажурной резинки. В паху прострелило разрядом самой грязной похоти. Красивая, вызывающая дрянь. Знает, какое впечатление производит на мужиков. Красное пальто затянуто широким ремнем, на голове прозрачный шифоновый шарф, обернут вокруг шеи, на руках перчатки. Элегантность и вызывающий

эротизм. Утонченный соблазн. И я ощутил, как яйца ломит от наполненности. Как у меня встает, когда я смотрю на ее рот, накрашенные темно-вишневой помадой губы. Облизнула их кончиком языка, вызвав щекотание возле уздечки, словно этот язычок пробежался по моему члену. Смотрит на табло через темные очки в широкой оправе. Не обращает на меня внимание. Потом разворачивается на каблуках и идет в сторону коридора – я за ней, как на манок, как кобель, учуявший запах течной самки. Аэропорт практически пустой. Но если бы в нем были сотни тысяч людей, я бы видел только ее. Только это красное пальто. Выстукивает каблуками, чуть виляя бедрами. Иду за ней. Неумолимо, тяжелой поступью. В висках зашумело, когда представил, как сейчас зажму ее кабинке и грязно оттрахаю. Дверь слегка качнулась, в воздухе остался тонкий шлейф духов. Вошел следом в туалет. Стоит у раковины, опираясь руками в перчатках на мрамор. Чуть наклонилась вперед, и теперь я отчетливо вижу эту проклятую кружевную резинку. Развернул к себе, схватил за шею, потянул к кабинке. Не сопротивляется, а меня разрывает от возбуждения. Придавил к стене кабинки, распахнул пальто и глухо застонал, увидев черный лифчик, контрастирующий со сливочной кожей, едва прикрывающий темные большие ореолы сосков, опустил взгляд на стройные бедра, обтянутые кружевными трусиками, через которые просвечивает голый лобок. Полная грудь бурно вздымается, соски натянули ткань, манят вгрызться в них, ощутить на вкус, какие тугие

стали для меня, и я с рычанием подхватываю женщину под колени, вжимая в перегородку, впиваясь голодным ртом в ложбинку между грудями, раздирая шелк, отодвигая полоску трусов в сторону, дрожащей рукой расстегивая ширинку, чтоб, обхватив член у головки, яростно вонзиться в ее тело и дернуться от сумасшедшего кайфа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.